

Токарев Г. В. Литературные прототипы лингвокультурных типажей туляка / Г. В. Токарев // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 75—91. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-75-91.

Tokarev, G. V. (2022). Literary Prototypes of Linguistic and Cultural Types of Natives of Tula. *Nauchnyi dialog*, 11(8): 75-91. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-75-91. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-75-91

Литературные прототипы лингвокультурных типажей туляка

Токарев Григорий Валериевич
orcid.org/0000-0002-2362-0902
доктор филологических наук,
профессор
grig72@mail.ru

Тульский государственный
педагогический университет
им. Л. Н. Толстого
(Тула, Россия)

Благодарности:

Исследование «Символярный
региональной идентичности»
выполнено за счет средств гранта
Российского научного фонда
№ 22-28-20342
и Правительства Тульской области
(соглашение № 6 от 19 апреля 2022 г.).

Literary Prototypes of Linguistic and Cultural Types of Natives of Tula

Grigoriy V. Tokarev
orcid.org/0000-0002-2362-0902
Doctor of Philology, Professor
grig72@mail.ru

Tula State Lev Tolstoy
Pedagogical University
(Tula, Russia)

Acknowledgments:

The study “Symbolary of Regional
Identity”
was funded by a grant
from the Russian Science Foundation
№ 22-28-20342
and the Government
of the Tula Region (agreement No. 6
dated April 19, 2022).

© Токарев Г. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выявляются стереотипные представления о жителе Тулы. Исследуются литературные образы Абрама Булыгина («История города Тулы мещанина Абрама Булыгина, о чудных его на свете похождениях, об охотах, весёлостях, и об работах»), Левши («Левша» Н. С. Лескова) и Тычки («Легенды о мастере Тычке» И. Ф. Панькина). На основе анализа текстовых характеристик персонажей, интерпретации избранных фрагментов трех художественных произведений реконструируются варианты лингвокультурного типажа туляка. Установлено, что в «Истории города Тулы...» Абрама Булыгина репрезентированы особенности самоидентификации туляка в XVIII веке. Выявлено, что одной из главных черт характера туляка является сентиментальность. Туляк обладает практическим умом, рационален и хозяйствен. В сказе Н. С. Лескова «Левша» типизированы такие качества, как практический ум, смекалка, умение вести дела, увлечённость своим занятием, религиозность, преданность делу, Родине, бескорыстность. Наиболее полный и завершённый образ тульского мастера создан И. Ф. Панькиным в «Легендах о мастере Тычке». Туляк — человек мастеровой, деловой, молчаливый, трудолюбивый, смелый, желающий делиться своими знаниями, передать умения своим ученикам, ценящий практические знания, обладающий чувством юмора. В ходе исследования выявлено, что тульская культура маскулинного типа. Житель города в культурном сознании представлен образом искусного мастера, оружейника, кузнеца.

Ключевые слова:

региональная идентификация; символа-рий; квазисталон; квазимера; лингвокуль-турный типаж; стереотип.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Stereotyped ideas about the natives of Tula are revealed. The literary images of Abram Bulygin ("History of the city of Tula by the tradesman Abram Bulygin, his wonderful adventures in the world, gaiety and his works"), Lefty ("Lefty" by N. S. Leskov) and Tychka ("Legends of Master Tychka" by I. F. Pan-kin). Based on the analysis of the textual features of the characters, the interpretation of selected fragments of three works of art, variants of the linguacultural type of Tula are reconstructed. It has been established that in the "History of the city of Tula ..." by Abram Bulygin, the features of self-identification of a native of Tula in the 18th century are represented. It was revealed that one of the main character traits of a native of Tula is sentimentality. Native of Tula has a practical mind, rational and economic. In the tale of N. S. Leskov "Lefty", such qualities as a practical mind, ingenuity, the ability to conduct business, passion for one's occupation, religiosity, devotion to business, Motherland, disinterestedness are typified. The most full and complete image of the Tula master was created by I. F. Pan-kin in "Legends of Master Poke". Native of Tula is a craftsman, businesslike, silent, hardworking, courageous, willing to share his knowledge, transfer skills to his students, appreciating practical knowledge, having a sense of humor. The study revealed that the Tula culture is of the masculine type. The inhabitant of the city in the cultural consciousness is represented by the image of a skilled craftsman, gunsmith, blacksmith.

Key words:

regional identification; symbolary; quasi standard; quasi-measure; linguacultural type; stereotype.

Литературные прототипы лингвокультурных типажей туляка

© Токарев Г. В., 2022

1. Введение = Introduction

Процесс идентификации заключается в сортировке знаний и знаков культуры на основании культурного таксона «свой / чужой», а его результат состоит в формировании стереотипов, то есть устойчивых представлений, культурных норм [Краткий словарь ..., 1996, с. 177], конфигурации ценностей, отражённых в культурном символярии [Телия, 1999, с. 21]. Региональная идентификация особенно ярко воплощается в стереотипных представлениях о жителях той или иной локации. Кристаллизации устойчивых представлений способствуют литературные произведения, которые типизируют образы, способные стать эталонами регионального характера. Эти образы, с одной стороны, создаются на основе сложившихся представлений, с другой — развивают, стабилизируют их. Типизированные литературные образы можно отнести к лингвокультурным типажам. «Лингвокультурный типаж может конкретизироваться как персонаж художественного произведения. Вместе с тем типаж представляет собой обобщение реально существующих исторических лиц либо вымышленных персонажей» [Карасик и др., 2005, с. 17]. Понятие лингвокультурного типажа предложено В. И. Карасиком: это «... лингвокультурные типажы, узнаваемые образы представителей определённой культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества...» [Там же, с. 8]. В отличие от квазиэталона, который объективирует стереотипное представление об одном из свойств или качеств человека, лингвокультурный типаж воплощает целый комплекс признаков, проявляющихся в поведенческих практиках. В. И. Карасик и О. А. Дмитриева отмечают: «Лингвокультурный типаж строит своё поведение в соответствии с ролевыми предписаниями...» [Там же, с. 12]. Тем самым лингвокультурный типаж призван выразить ту или иную социокультурную роль. О. А. Дмитриева отмечает: «Лингвокультурный типаж является особым типом лингвокультурных концептов, важнейшие характеристики которого состоят в типизируемости определенной личности, значимости этой личности для лингвокультуры, возможности ее как фактического, так и фикционального существования, возможности ее упрощенной и карикатурной репрезентации» [Дмитриева, 2009, с. 55]. Лингвокультурный типаж находит разнообразные средства репре-

зентации: в лексиконе и речевых тактиках, поведении, образе жизни, манере одеваться и т. д. В когнитивной парадигме лингвокультурный типаж можно охарактеризовать как прототип — типичный представитель той или иной категории [Краткий словарь ..., 1996, с. 140—145].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Целью данной статьи является рассмотрение трёх литературных образов туляка: Абрама Булыгина, Левши, Тычки. К задачам исследования относятся: 1) экспликация специфических черт туляка в каждом из произведений; 2) моделирование регионального характера на основе стереотипных представлений о туляке, воплощённых в художественных произведениях.

Достижение поставленной цели осуществляется следующими методами и приёмами: сплошной выборки фраз, характеризующих литературные персонажи, компонентного анализа значений, интерпретации избранных фрагментов текста. Моделирование черт характера туляка опирается на процесс типизации, под которым мы, вслед за И. А. Мурзиновой, понимаем «вычленение в единицах, накопленных в памяти, постоянных и переменных признаков, то есть становление в сознании модели, образца» [Мурзинова, 2014, с. 4].

Материалом исследования стали три произведения, в которых освещается характер туляка: «История города Тулы мещанина Абрама Булыгина, о чудных его на свете похождениях, об охотах, весёлостях, и об работах», «Левша» Н. С. Лескова, «Легендах о мастере Тычке» И. Ф. Панькина. Избранные тексты созданы в разные эпохи: в XVIII, XIX, XX веках соответственно и соотносятся с разными жанрами. «История...» А. Булыгина представляет собой мемуарное, лирическое повествование автора о собственной жизни, «Левша» Н. С. Лескова — сказ, истории мастера Тычки — легенды. Выбор данных текстов объясняется, во-первых, их тематическими особенностями: все они освещают быт и судьбы жителей Тулы; во-вторых, они никогда не рассматривались в лингвокультурологическом аспекте в целях моделирования регионального типажа, который является результатом процесса идентификации (работы И. Н. Юркина, А. М. Ранчина, А. Д. Макаровой и др. посвящены культурно-историческому и литературоведческому анализу данных текстов [Юркин, 1994; Макарова, 2014; Ранчин, 2018]). Данная проблема является новой для лингвистики. Описание в языковедческих работах особенностей идентификации носит на сегодняшний день фрагментарный характер. Так, П. А. Гончаровым [Гончаров, 2015] предпринято исследование типажа сибиряка в произведениях А. Вампилова.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Отражение характера туляка в «Истории города Тулы...»

А. Булыгина

Автостереотипы как результаты процесса самоидентификации объективируются в текстах с перволичностным повествованием. Нарратор непосредственно воплощает индивидуальное мировосприятие, выражает своё «я». В данном аспекте большой интерес представляет повествование Абрама Булыгина, воспроизводящее особенности самоидентификации туляка в XVIII веке. Этот текст является своего рода автобиографией, написанной в вольном, отчасти лирическом стиле. Как следует из повествования, Абрам Антонович Булыгин происходил из купеческого рода, он обучился оружейному делу и затем работал на тульском казённом заводе. Статус казюка (так называли рабочих этого завода) позволил ему избежать призыва в армию. Позднее ему удалось организовать свою артель, чтобы заниматься проведением увеселительных мероприятий. Хотя Абрам Булыгин в детстве был обучен грамоте, навыками письма и чтения он не обладал, поскольку из-за отсутствия необходимости разучился читать и писать: *При отце и матери в малолетстве обучен был я грамоте, когда отец и мать земли предался, а я с учёной грамотой навек расстался. ... Пятьдесят лет в руки я учёную грамоту не брал, да и забвению предал...* [История ..., 1994, с. 128].

История жизни, рассказанная шестидесятилетним Булыгиным, чудесным образом была записана. Как отмечает И. Н. Юркин, «при участии какого-то неизвестного нам лица рассказы тульского мещанина превратились в письменный текст...» [Юркин, 1994, с. 9]. В жизнеописании запечатлены представления жителя Тулы восемнадцатого столетия о мире. Абрама Булыгина можно считать типичным представителем своего города и времени, поэтому справедливой будет оценка его произведения как воплощения коллективных ценностей. Правдивость своих слов Булыгин подтверждает предварительными замечаниями: *Когда эти книжки кто будет читать — друзья, приятели и незнакомые люди, не сомневайтесь. Ни одного тут слова ложного нет: так написано, как в книге напечатано* [История ..., 1994, с. 74]. Полное название текста отражает ценности рассказчика: «История города Тулы мещанина Абрама Булыгина, о чудных его на свете похождениях, об охотах, весёлостях, и об работах». Обратим внимание, что первое место отведено именно развлечениям, а не работе. Они представляют для героя большую ценность. Рассказчик так хронологизирует свою жизнь: *... десять лет разные работы работал, сорок лет во одной лавке хлебом торговал...* [Там же, с. 105]. Эта фраза эксплицирует представления об обязательности труда, понимание его как неперенной

составляющей жизни. Повествование начинается именно с описания работы. Трудиться герою пришлось с десяти лет. Абрам рассказывает о своих занятиях: *...сапоги, вершки и хомутины шивал...; ...замки и приборы обтирал. К новокорпусным ножам крыжи, бляхи и наконечники обтирал. И всякие разные поделки наждаком чищал, притом на штыки и ножны шивал* [Там же, с. 74—75]. Работа, по мнению героя, делает жизнь спокойной и беззаботной, но однообразной и скучной. Особая веха в жизни Абрама связана с его приходом в Оружейную слободу. Изготовление деталей оружия описано как сложная, тяжёлая и даже опасная для жизни работа: «*...бывало точилом до смерти...*» [Там же, с. 75]. Затем в жизни героя наступают перемены: его увольняют с завода, сажают в тюрьму, хотят отдать в солдаты. Мытарства рассказчика заканчиваются тем, что он бросает свою работу на заводе и уходит служить целовальником в кабак. Целовальник должен был следить за выручкой заведения, которая направлялась в царскую казну. На этом поиски работы не закончились. Торговое дело герой оценивает как грешное: *... торговые дела во грехе замечал...* [Там же, с. 79], — что говорит о его честности и бескорыстности. Проработав у купца два года и не получив жалованья, рассказчик думает снова вернуться на казённую работу, но потом решает остаться в лавке у хозяина. Отношение к труду как к чему-то второстепенному подтверждается тем, что за время работы в лавке Абрам даже не научился считать на счётах. Представления о труде вербализованы номинациями, которые используются как синонимичные: *работа / забота*. Им противопоставлены *светские весёлости*. Именно они являются отдушиной для героя. Он любит петь, музицировать, плясать, слушать сказки, ловить птиц, участвовать в кулачных боях, устраивать фейерверки. В этих занятиях отражена повседневность жителя Тулы, его любимое времяпрепровождение [Шариков, 2016]. Туляки любили разводить голубей. Эта птица стала символом любви и верности: по наблюдениям, голубиная пара создается на всю птичью жизнь. Символизация этой птицы отражает черты регионального характера: сентиментальность, верность чувствам. Кулачный бой был важным событием в жизни города. Как известно, он завершал масленичную неделю и носил, говоря современным языком, компенсаторный характер: помогал человеку избавиться от накопившихся отрицательных эмоций. Абрам хвастает своей удалью, говорит о том, что был предводителем и участвовал в неравных боях. Характерно, что история заканчивается описанием кулачного боя как своего рода финала жизни. Герой расстается со своим любимым занятием — песенной артелью — и отказывается принимать участие в кулачных боях. Положительная интерпретация этих состязаний также отражает особенности регионального характера: умение долго терпеть, сдержанность,

готовность постоять за своих. Главными ценностями для героя остаются веселье, забава: *А я на свете большего богатства не имел, а больше в веселостях разумел* [История ..., 1994, с. 84]. Абрам пишет о своей любви к путешествиям: он ездит в Москву и Петербург смотреть «чуждости» и «отличности», встречается с разными людьми: ... *с сапожниками, с вершечниками, с ямщиками и с старинными деньщиками. С оружейниками: с русскими, с прусскими, с шведскими и немецкими, со азиатскими...* [Там же, с. 87]. Рассказчик скрупулёзно перечисляет все места, в которых он побывал: Кронштадт, Царское Село, Петергоф, Каменный остров, Кунсткамера и др. Всё это свидетельствует об открытости ко всему новому, любознательности, дружелюбности.

Особое место в повествовании составляет «Толкование о чижиной охоте». Как было сказано ранее, туляки были любителями и ценителями птиц. Птица стала для них символом райской жизни, беззаботности и забавы, достатка, семьи и верности. Туляки с любовью относились к певчим птицам, к голубям. С птицей связаны представления о чужом пространстве, иной, экзотической заморской стороне: *И станут они лететь на полуденную сторону опять к морю на своё место* [Там же, с. 94]. Далее следует детальное, пошаговое описание охоты, расстановки сетей, в чём отражается практическое, точное знание туляка: *И выбираем на эвтих полянах древа пристойные. Чтob были двух сажен, а понужнее трёх, и чтob стояли круговиною сажени на три, чтob порожнее место промеж их было. И чистим на этом месте точок, и прибиваем на этом точку сеточные понцы по две сажени длины, по пяти четвертей ширины. И под эвтими крыльями вырыты ямки по два аришина длины, по полуаршину ширины* [Там же, с. 94—95]. Главным жизненным приоритетом для рассказчика является веселье: *Не думал о доме, о жене, о детях, а желал весело жить на свете...* [Там же, с. 105]. В понимании Абрама, веселье — это любимые его занятия: концерты, спектакли, фейерверки, пение, музицирование. Всё это помогает герою вырваться из монотонных будней тяжёлого и однообразного физического труда, рутинных обязанностей обывателя. Трогательно повествование о роспуске песенной артели: прощальном концерте, сжигании музыкальных инструментов и артистических нарядов. На память Булыгин оставляет свою скрипку: ... *Оная скрипка будет на стене висеть, а я буду на неё глядеть...* [Там же, с. 117], — но предводитель разбивает её. Друзья Абрама склеивают скрипку, однако тот решает её сжечь. Этот поступок также подтверждает сентиментальность характера туляка.

Таким образом, в повествовании представлен образ тульского обывателя, в сознании которого противопоставлены работа и отдых. Булыгин не бездельник. Он пытается найти себя в творчестве. Ему присущи качества

лидера: он возглавляет кулачные бои, руководит музыкальной артелью. Абрама Булыгина нельзя отнести к искусным мастерам. Он с неприязнью относится к тяжёлому физическому труду. Разнообразные развлечения кажутся ему отдушиной. Жизнь туляка в восемнадцатом веке — это серые трудовые будни, скрашиваемые редкими праздниками или любимыми занятиями. Абрам Булыгин — сплав типичного и индивидуального. С одной стороны, он живёт жизнью обычного чернорабочего, подмастерья, с другой — скрыто не принимает её, пытается найти себя в творчестве, любимых занятиях. Пожалуй, одной из главных черт характера туляка является сентиментальность, душевность. Для жителя Тулы важно иметь занятие, которое ему будет доставлять удовольствие, отвлекать от тяжёлой работы. Он обладает практическим умом, рационален. В сравнении с образами Левши и Тычки имя Абрама Булыгина не стало прецедентным, эмблемой тульского культурного текста, однако интерес представляет обыденное мировоззрение героя, которое, без сомнения, было типичным. Следует отметить, что, сопоставляя представления о туляке, отражённые в «Истории города Тулы...» Абрама Булыгина, с более поздними, можно сделать вывод о том, что земляк-современник Булыгина не осознавал себя умельцем. По всей вероятности, данный автостереотип сформировался позже.

3.2. Объективация характера туляка в сказе Н. С. Лескова «Левша»

Наибольшую известность получил образ Левши. Именно он стал этапом тульского мастера, оружейника, металлста, гармонщика.

Н. С. Лесков воссоздал образ тульского мастерового в сказе «Левша». Как отмечает Т. А. Павлишак, «Левша — один из символов русского народа» [Павлишак, 2016, с. 134]. Определим типичные черты туляка в этом тексте. Как заключает О. А. Дмитриева, «...лингвокультурный типаж является сгустком ценностных предпочтений языковой личности...» [Дмитриева, 2009, с. 55]. Высшее мастерство Левши подчёркивается тем, что он всё делает левой рукой. По словам И. В. Столяровой, Левша воспринимается как «апофеоз талантливости русского человека, который “все может”» [Столярова, 1996, с. 61]. Мастер имеет неказистый, чудаковатый вид, который выступает контрастным фоном внутреннему миру Левши и его умениям: *... косо́й левша, на щеке пя́тно роди́мое, а на висках волосья́ при уче́ньи вы́драны...* [Лесков, 1979, с. 466]. Получая задание, Левша вместе с другими мастерами отправляется в Мценск поклониться иконе Святого Николая Чудотворца. Тульские оружейники — люди набожные, религиозные: *Туляки, люди умные и сведущие в металлическом деле, известны также как первые знатоки в религии. Их славою в этом отношении полна и родная земля, и даже святой Афон: они не только мастера петь с вавилонами, но они знают, как пишется картина «вечерний звон»...* Туляк полон церков-

ного благочестия... [Там же, с. 467]. Левша предан своей вере, считает её наиболее правильной.

Туляки — люди хозяйственные: «...если кто из них посвятит себя большему служению и пойдет в монашество, то таковые слывут лучшими монастырскими экономами, и из них выходят самые способные сборщики...» [Там же, с. 467].

Несмотря на свою мастеровитость, Левша живёт небогато: «Мы люди бедные и по бедности своей мелкокопа не имеем...» [Там же, с. 475]. Хотя у него золотые руки, Левша не скопил состояния. Он относится к своему делу как к искусству, а не как к ремеслу и способу зарабатывания денег.

В сказе о Левше акцент делается на умении тульских мастеров, позволяющем им создать более совершенные изобретения, чем иностранные. А. М. Ранчин отмечает: «Левша — настоящий герой, не чуждый, как и другие тульские мастера, чувства собственного достоинства» [Ранчин, 2018, с. 136]. Т. Ю. Березина и Е. И. Вырвич указывают на погруженность Левши в свое искусство, на то, что во время работы он отдалялся от окружающего мира: «Мужицкая сила мастеровых сконцентрирована в образе потной спирали. Трудясь, они были полностью отстранены от мира» [Березина и др., 2018, с. 30].

С образом Левши связана квазимера [Токарев, 2021, с. 15] мастерства *блоху подковать*, указывающая на уровень искусности. Квазимера подчёркивает природную выучку мастера. Как видим, в сказе эталонизируются иные качества туляка, нежели в повествовании Абрама Булыгина: религиозность, преданность делу и Родине, бескорыстность. Сходными эталонизируемыми чертами являются практический ум, смекалка, умение вести дела. Туляк всегда увлечён своим занятием. В целом же характер туляка Н. С. Лесковым прорисован схематично.

3.3. Отражение характера туляка в «Легендах о мастере Тычке»

И. Ф. Панькина

Заданный Н. С. Лесковым эталон тульского умельца получил развитие в повести о мастере Тычке, написанной И. Ф. Панькиным. В одной из легенд рождение Тычки мифологизируется, а начало признания его как мастера связывается с посещением Тулы Петром I: ... *Когда родился Тычка, про то никто толком не знает. Одни говорят — с первым ударом кузнечного молота о наковальню, другие — позже. Но когда бы он ни появился на свет, а заметили его при Петре I...* [Панькин, 1989, с. 9]. В легендах о мастере Тычке Тула сравнивается с колчаном со стрелами, в основу образа положены представления об искусности тульских мастеров-оружейников.

Тычка — это собирательный образ тульского мастера: ...*Я тоже не учился у мастера Тычки и никогда не видел его. Я полагаю, такого ма-*

стера не было и нет. Тычка — не что иное, как плод фантазии тульских мастеров — личность, хитро и умело нарисованная воображением людей многих поколений, начиная со времен Петра I. Но с детских лет мы так сроднились с легендами о веселом и остроумном мастере Тычке, с торжеством переходящего из века в век, что он нам стал казаться живым. Многие даже в зрелом возрасте не перестают утверждать, что они учились у самого настоящего Тычки, хотя и учились у разных людей и их мастеров звали Макарами, Захарами и прочими именами. Дело в том, что в Туле всех знатных умельцев-виртуозов за глаза называли Тычками [Там же, с. 128].

Имя Тычки представлено в тексте как образованное от нарицательного существительного, обозначающего измерительный инструмент и мотивированного глаголом *тыкать*: *В давние времена на ружейном заводе тычкой называли керн — инструмент для разметки деталей. А наш веселый мастер мог не только на железе, а даже на самой плоской стороне человеческой жизни «откернить» такую деталь, которая людям запоминалась на века* [Там же, с. 60]. Тем самым подчёркиваются профессиональные качества мастера. В отличие от Левши Тычка не изготавливает изделия на глазок.

И. Ф. Панькин так рисует портрет мастера: *У Тычки был облик самого обыкновенного человека. Бородка у него, как у Емельки Пугачева — лопаточкой. Волосы подстрижены скобочкой, ремешком опоясаны. Глаза карие, озорные, и в них всегда светились веселые звездочки. Ничем он не отличался от других мастеров, а если и отличался, может быть, только тем, что, кроме своих ног на ложевой стороне, имел еще четыре табуреточные ножки, которые его с утра до поздней ночи держали у верстака. Да еще на плечах-коромыслах он носил для солидности, как рудничные бабьи, два кулака* [Там же, с. 66]. Как видим, образы Левши и Тычки написаны в одинаковой семантической тональности: внешностью мастера обладали заурядной. Сложение Тычки отражает его профессиональные занятия.

Обобщим стереотипные представления о туляке, воплощённые в «Легендах...». Туляки — люди деловые, молчаливые. Длинные разговоры воспринимаются ими как безделье, пустая трата времени. Для того чтобы отметить увлечённость туляка делом, автор с иронией говорит о коротких прозвищах, которые мастера давали друг другу, чтобы якобы сэкономить время: *Мы, туляки, народ занятой, и зря тарабарить нам недосуг. Мы даже не позволяем себе такой роскоши, чтобы в занятое время называть друг друга длинными и величальными именами. По отчеству наши деды назывались только в престольные праздники и в воскресные дни. Туляки всегда любили короткие имена, чтобы они свободно проходили через горло, не застревали в зубах и пролетали через цех, как пуля: «Чиж-ж! Левша-а! Тычка!»* Да и меня на работе зовут именем короче ружейного залпа — *Ив*, хотя мать по наивности

думала: как только я овладею грамотой, меня будут звать не только полным именем — Иваном, но и по батюшке — Федоровым [Там же, с. 9].

Туляк скромнен: *А кто любит хвалу и чтоб о нем в медные трубы дули, тому нечего делать в Туле. Так говорили наши деды, так говорим и мы [Там же].*

Туляк трудолюбив, он не может представить себе жизнь без дела, в которое он вкладывает свою душу. Его качества оцениваются по желанию чему-то научиться, что-то сделать: *... издавна у нас повелось: когда перед молодым человеком впервые открывают заводские ворота, его не спрашивают, чего доброго принес он в своей душе. Его спрашивают, к какой работе хочет он приложить руки [Там же, с. 13].*

Своего рода символом мастерства туляка являются его руки. Оно проявляется в придумывании чего-то необычного, в выполнении ювелирной работы: *...А вот мой мастер Тычка всегда свои руки держал на виду. К нему на учение тянулось столько мальцов, что если бы он взялся всех выучить, то ему не хватило бы трех жизней. А руки у него были веселые. Он ими мог рассмешить целый город... [Там же, с. 15].*

Чтобы изделие стало уникальным, в него нужно вложить душу: *Могуч тот, кто душой чувствует свое ремесло и владеет многими знаниями. По-моему, таким могучим является мастер Тычка [Там же, с. 32].*

В подтверждение автор рассказывает историю о том, как один фабрикант заказал ко дню рождения своей жены медальон. Тычка выполнил заказ, в центре медальона расположив фабриканта, сидящего в позе царя. На носу изображённого жена рассмотрела царапины. В увеличительное стекло в них гости увидели ещё одно изображение — губернатора, сидящего в конуре в позе собаки. Эта история эксплицирует такие черты в характере туляка, как смелость, независимость, обострённое чувство достоинства, презрение к богатым. Для туляка один авторитет — мастерство. Смелость выражается не только в том, что туляк не боится дать отпор обидчику, но и в планах, замыслах, в намерении создать что-то невероятное. Так, в тульском ментальном пространстве сформировалась ещё одна наивная мера мастерства: *... подковать комара на лету: кроме задумки, каждому творящему человеку нужна та смелость, которой, кажется, ни у кого из нас до сих пор не было. В этом, наверно, и есть секрет мастерства и, наверно, поэтому нам не удастся до сих пор подковать комара на лету... [Там же].*

Не только профессиональные, но и человеческие качества выделяют Тычку. Он добр, желает быть полезным людям, передать им свой опыт и знания. Фигурально Тычка представлен образом дерева, на котором птицы устраивают свои гнёзда: *... Мастер Тычка был как то дерево, на котором птицы вьют гнезда. К нему всегда тянулись люди... [Панькин, 1989, с. 44].*

Тычка открыт для других: ... *Мастер Тычка жил широко и раздольно. А говорят, кто широко живет, тот не запирает ворот...* [Там же, с. 66]. Ещё одним качеством характера мастера Тычки является остроумие и юмор. Тычка всегда найдёт ответ и сможет посмеяться, в том числе и над собой: *Большим шутником был Тычка. Как-то мастера ружейного завода встретились в засечном лесу и расхвастались. Один мастер сказал:*

— *Прошлым летом я сделал такое ружье, которым убил птицу величиной с годовалого бычка. Положили ее на крыло, а другое крыло покрыло весь стол.*

Тычка выслушал его и проговорил:

— *Сколько я ни делал ружей, никогда не приходилось убивать таких птиц, но однажды мне тоже повезло. Иду по лесу, гляжу — у елки лежит яйцо. Разбил его. Хотел размешать ложкой желток, но вдруг уронил ее вовнутрь. Попробовал достать пальцем — не достал. Просунул руку по локоть — не достал. Пришлось нырять за ложкой.*

— *Откуда же в нашем лесу взялось такое яйцо? — спросил мастер.*

— *От той птицы, которую ты убил прошлым летом, — ответил Тычка* [Там же, с. 55].

Тычка смелый, стоит горой за правду: ...*Когда я пришел на завод, то с первого же дня стал поступать так, как советовал он — о хорошем говорить хорошо, о плохом — плохо...* [Там же, с. 93]. Смелость проявляется не только в нежелании склонять голову перед сильными, но и в мастерстве, творчестве, в умении действовать не по шаблону, делать то, что не принято: ...*Хорошим мог бы стать мастером, но нет в тебе смелости. А художник без смелости — не художник. Иди-ка лучше делать замки, пока люди не научились жить без замков...* [Там же, с. 108].

Залогом успеха мастера является желание творить не для собственной выгоды, а для людей: ...*Тульские мастеровые чем отличались от других, они словно жили не для себя, а для памяти людей. Они жили с постоянной надеждой сделать то, что еще никто не делал и никогда не сумеет сделать. Поэтому работали много, зная, что без большого труда себя выразить нельзя* [Там же, с. 110].

Тульские мастера ценят знания, но проверенные на практике: *Ради сохранения святости высочайшего Тульского мастерства, обретенного многими поколениями рабочих людей, они даже установили свой особый закон, в котором говорилось: «Какое бы учебное заведение человек ни закончил, а без проверки его знаний ни один завод к себе на работу не должен брать...»* [Там же, с. 115].

Автор так обобщает символические значения образа Тычки: *Тычка никогда не видел себя, а только других. Недаром его имя стало символом чести, доброты и справедливости рабочего люда* [Там же, с. 132].

Рассказ о Тычке сопровождается авторскими комментариями *как говорили наши деды, издавна повелось* и подобными, подчёркивающими типичность и стабильность описываемых ситуаций, устойчивость стереотипных представлений о туляке.

Таким образом, И. Ф. Панькин создал наиболее полный и завершённый образ тульского мастера, обладающий следующими чертами характера: искусный мастер, деловой, молчаливый, трудолюбивый, смелый, стремящийся передать умения ученикам, ценящий практические знания, обладающий чувством юмора.

4. Заключение = Conclusions

Итак, на основе анализа литературно-художественных региональных текстов мы можем заключить, что тульская культура маскулинного типа, поскольку эталонными образами, обладающими прецедентным характером, в произведениях выступают персонажи-мужчины, коллективное сознание фокусирует внимание на мужском занятии, связанном с обработкой металла. Проанализированные лингвокультурные типажи, сформированные на основе трех литературных образов, различаются. Они воплощают неодинаковые стереотипные черты. Абрам Булыгин относится к работе как к безысходности. Она необходима, чтобы не умереть с голоду. Булыгин негативно оценивает физический труд и находит для себя отдушину в развлечениях: ловле и разведении птиц, путешествиях, участии в спектаклях, музицировании и пении. Булыгин честен, ответствен, трудолюбив, исполнитель. Он человек тонкой душевной организации, хочет наслаждаться жизнью. В типаже Абрама Булыгина показано мироощущение обычного человека из рабочего сословия, то есть в произведении жизнь этого персонажа описана через своего рода приемы саморефлексии. Типажи Левши и Тычки воплощают представления о тульском мастере, сложившиеся у людей, живущих рядом с таким человеком, то есть раскрыто восприятие его со стороны, это своего рода «региональный гетеростереотип». Житель города в культурном сознании представлен образом мастера, оружейника, кузнеца, умельца на все руки. Он самовыражается в труде. В отличие от Булыгина с его особым мироощущением и страстным желанием преодолеть безысходность обыденности развлечениями Левша и Тычка относятся к своему делу как искусству. Типаж Тычки конкретизирует типаж Левши. Ведущим стереотипом выступает туляк как человек мастеровой. Главные его ценности — работа, знание, опыт. Тульский мастер религиозен. К до-

минирующим культурным установкам относятся следующие: цени время, будь предан своей вере и Родине, сочетай труд и отдых. Три рассмотренных типажа обладают и общей чертой: скрытый бунт против обыденности. Но если Булыгин пытается освободиться от гнёта повседневности с помощью весёлостей, то Левша и Тычка — посредством создания уникальных предметов, в которые они вкладывают душу. В центре символярная региональной культуры располагаются эталоны мастера, представленные номинациями *Левша*, *Тычка*, и квазимеры мастерства: *блеху подковать, комара на лету подковать*.

Источники

1. *История* города Тулы мещанина Абрама Булыгина, о чудных его на свете похождениях, об охотах, весёлостях, и об работах. — В книге : Юркин И. Н. Абрам Булыгин : чудности, веселости, “непонятная философия” / И. Н. Юркин. — Тула : Рарус, 1994. — С. 74—128.
2. *Краткий словарь когнитивных терминов* / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина // Краткий словарь когнитивных терминов. — Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. — 245 с. — ISBN 5-89042-018-1.
3. *Лесков Н. С. Избранное* / Н. С. Лесков. — Кишинев : Литература артистикэ, 1979. — 672 с.
4. *Панькин И.* Легенды о мастере Тычке / И. Панькин. — Москва : Детская литература, 1989. — 139 с.

Литература

1. *Абашии И.* Политико-философские воззрения Н. С. Лескова : национальная идентичность / И. Абашии // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 2. — С. 495.
2. *Беглова Е. И.* Лексика в произведении Н. С. Лескова «Левша» в аспекте народной русской речи в оппозиции «свое»-«чужое» / Е. И. Беглова // Мир Н. С. Лескова : поэтика, прагматика, стилистика. Сборник докладов участников Национальной научно-практической конференции, посвящённой 190-летию со дня рождения Н. С. Лескова. — Брянск : Издательство БГУ им. И. Г. Петровского, 2021. — С. 81—91.
3. *Березина Т. Ю.* Судьба талантливого человека в России в сказе Н. С. Лескова «Левша» / Т. Ю. Березина, Е. И. Вырвич // Седьмые Сильвестровские педагогические чтения. Духовность и нравственность в образовательном пространстве — фундамент будущего России. Материалы Всероссийской научной конференции. — Омск : Амфора, 2018. — С. 30—33.
4. *Васантада В. Д.* Лингвокультурный типаж как отражение языкового сознания / В. Д. Васантада // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2013. — № 5. — С. 230—232.
5. *Гончаров П. А.* Сибиряк в персонажной сфере А. Вампилова / П. А. Гончаров, О. В. Чербаева // Современные научные исследования и инновации. — 2015. — № 12 (56). — С. 1009—1020.
6. *Дмитриева О. А.* Ценностные характеристики в структуре лингвокультурного типажа / О. А. Дмитриева // Система ценностей современного общества. — 2009. — № 9. — С. 55—59.

7. Ибатуллина Г. М. Исторический миф в рассказе Н. Лескова «Левша» / Г. М. Ибатуллина // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения-2012. Сборник научных трудов : в 2 частях. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна, Северо-Западный институт печати, 2013. — С. 122—131.
8. Ибатуллина Г. М. Национально-исторический миф и пути его интерпретации в рассказе Н. С. Лескова «Левша» / Г. М. Ибатуллина // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). — 2014. — № 4. — С. 2.
9. Карасик В. И. Лингвокультурный типаж : к определению понятия / В. И. Карасик, О. А. Дмитриева // Аксиологическая лингвистика : лингвокультурные типаж. — Волгоград : Парадигма, 2005. — С. 5—25.
10. Лаптева О. А. Путь к познанию русского национального характера (по произведению Н. С. Лескова «Левша») / О. А. Лаптева // Педагогический поиск. — 2021. — № 4. — С. 14—16.
11. Макарова А. Д. Особенности жанра сказа на примере произведения Ивана Паникина «Легенды о мастере Тычке» / А. Д. Макарова // Мировая словесность для детей и о детях : XIX Всероссийская научно-практическая конференция, Москва, 03—04 февраля 2014 года. — Москва : Литера, 2014. — С. 97—101.
12. Мурзинова И. А. Фиксированный лингвокультурный типаж : интегральные и дифференциальные признаки / И. А. Мурзинова // Научный руководитель. — 2014. — № 2 (3). — С. 28—37.
13. Ощепкова Н. А. Методы исследования лингвокультурных типажей / Н. А. Ощепкова // Заметки учёного. — 2021. — № 8. — С. 85—88.
14. Павлишак Т. А. Лингвокультурологическая интерпретация метафор сказа Н. С. Лескова «Левша» / Т. А. Павлишак // Язык и текст. — 2016. — Т. 3. — № 4. — С. 130—137.
15. Ранчин А. М. «Левша» Н. С. Лескова и русская национальная мифология / А. М. Ранчин // Россия XXI. — 2018. — № 3. — С. 114—141.
16. Столярова И. В. Лесков и Россия / И. В. Столярова // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений : В 30 т. — Москва : Терра, 1996. — Т. 1 : Сочинения. 1859—1862. — С. 7—100. — ISBN 5-85255-715-3.
17. Тамуркин С. А. Из жизни тульских оружейников : голубиная охота / С. А. Тамуркин // История. Историки. Источники : электронный научный журнал. — 2016. — № 3. — С. 109—116.
18. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — С. 13—24. — ISBN 5-88766-061-9.
19. Телия В. Н. Русская фразеология : семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Яз. рус. культуры, 1996. — 284 с. — ISBN 5-88766-061-9.
20. Токарев Г. В. Лингвокультурный символярий : квазисимволы / Г. В. Токарев. — Тула : ТППО, 2021. — 112 с.
21. Цинк А. Деконструкция национального дискурса в творчестве Н. С. Лескова / А. Цинк // Филология и культура. — 2017. — № 4 (50). — С. 191—196.
22. Шариков В. Е. Повседневная жизнь туляков во второй половине XIX — начале XX в. — Тула : Борус-Принт, 2016. — 268 с. — ISBN 978-5-905154-26-3.

23. Шелковникова Л. Ф. Тернарность как основа мироощущения и миропонимания Н. С. Лескова-художника / Л. Ф. Шелковникова // Культура и текст. — 1997. — № 1. — С. 63—65.

24. Юркин И. Н. Абрам Булыгин : чудности, веселости, “непонятная философия” / И. Н. Юркин. — Тула : Парус, 1994. — 186 с. — ISBN 5-86967-004-7.

Material resources

- History of Tula's philistine Abram Bulygin, about his wonderful adventures in the world, about hunting, merriment, and about work. (1994). In: Yurkin, I. N. *Abram Bulygin: miracles, gaiety, “incomprehensible philosophy”*. Tula: Rarus. Pp. 74—128. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S., Demyankov, V. X., Pankrats, Yu. G., Luzina, L. G. (1996). A concise dictionary of cognitive terms. In: *A concise dictionary of cognitive terms*. Moscow: Lomonosov Moscow State University. 245 p. ISBN 5-89042-018-1. (In Russ.).
- Leskov, N. S. (1979). *Favorites*. Chisinau: Literatura artistica. 672 p. (In Russ.).
- Pankin, I. (1989). *Legends about the master Poke*. Moscow: Children's Literature. 139 p. (In Russ.).

References

- Abashin, I. (2013). Political and philosophical views of N. S. Leskov: national identity. *Modern problems of science and education*, 2: P. 495. (In Russ.).
- Beglova, E. I. (2021). Vocabulary in the work of N. S. Leskov “Lefty” in the aspect of Russian folk speech in opposition “own”-“alien”. In: *The world of N. S. Leskov: poetics, pragmatics, stylistics. Collection of reports of participants of the National Scientific and Practical Conference dedicated to the 190th anniversary of the birth of N. S. Leskov*. Bryansk: Publishing House of the I. G. Petrovsky BSU. 81—91. (In Russ.).
- Berezina, T. Yu., Vyrvich, E. I. (2018). The fate of a talented person in Russia in the tale of N. S. Leskov “Lefty”. In: *Seventh Sylvester pedagogical readings. Spirituality and morality in the educational space are the foundation of the future of Russia. Materials of the All-Russian Scientific Conference*. Omsk: Amphora. 30—33. (In Russ.).
- Dmitrieva, O. A. (2009). Value characteristics in the structure of linguistic and cultural type. *The value system of modern society*, 9: 55—59. (In Russ.).
- Goncharov, P. A., Cherbaeva, O. V. (2015). Sibiryak in the character sphere of A. Vampilov. *Modern scientific research and innovation*, 12 (56): 1009—1020. (In Russ.).
- Ibatullina, G. M. (2013). Historiosophical myth in N. Leskov's story “Lefty”. In: *Print and Word of St. Petersburg. St. Petersburg Readings-2012. Collection of scientific papers: in 2 parts*. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Technology and Design, Northwestern Institute of Printing. 122—131. (In Russ.).
- Ibatullina, G. M. (2014). National historical myth and ways of its interpretation in the story of N. S. Leskov “Lefty”. *Modern studies of social problems (electronic scientific journal)*, 4: P. 2. (In Russ.).
- Karasik, V. I., Dmitrieva, O. A. (2005). Linguocultural type: to the definition of the concept. In: *Axiological linguistics: linguistic and cultural types*. Volgograd: Paradigm. 5—25. (In Russ.).
- Lapteva, O. A. (2021). The path to the knowledge of the Russian national character (based on the work of N. S. Leskov “Lefty”). *Pedagogical search*, 4: 14—16. (In Russ.).

- Makarova, A. D. (2014). Features of the genre of a fairy tale on the example of the work of Ivan Pankin "Legends of the master Poke". In: *World literature for children and about children: XIX All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, February 03-04, 2014*. Moscow: Litera. 97—101. (In Russ.).
- Murzinova, I. A. (2014). Fixed lingovocultural type: integral and differential signs. *Scientific supervisor*, 2 (3): 28—37. (In Russ.).
- Oshchepkova, N. A. (2021). Methods of research of linguocultural types. *Notes of the scientist*, 8: 85—88. (In Russ.).
- Pavlishak, T. A. (2016). Linguoculturological interpretation of metaphors of N. S. Leskov's tale "Lefty". *Language and text*, 3 (4): 130—137. (In Russ.).
- Ranchin, A. M. (2018). "Lefty" N. S. Leskova and Russian national mythology. *Russia XXI*, 3: 114—141. (In Russ.).
- Sharikov, V. E. (2016). *The daily life of Tulyaks in the second half of the XIX — early XX century*. Tula: Borus-Print LLC. 268 p. ISBN 978-5-905154-26-3. (In Russ.).
- Shelkovnikova, L. F. (1997). Ternarity as the basis of N. S. Leskov's attitude and understanding of the world. *Culture and text*, 1: 63—65. (In Russ.).
- Stolyarova, I. V. (1996). Leskov and Russia. In: *Leskov N. S. Complete works: In 30 vols, 1: Essays. 1859—1862*. Moscow: Terra. 7—100. ISBN 5-85255-715-3. (In Russ.).
- Tamurkin, S. A. (2016). From the life of Tula gunsmiths: pigeon hunting. *History. Historians. Sources: electronic scientific journal*, 3: 109—116. (In Russ.).
- Teliya, V. N. (1996). *Russian phraseology: semantic-pragmatic and linguoculturological aspects*. Moscow: Yaz. rus. Kultury. 284 p. ISBN 5-88766-061-9. (In Russ.).
- Teliya, V. N. (1999). Priority tasks and methodological problems of the study of the phraseological composition of language in the context of culture. In: *Phraseology in the context of culture*. Moscow: Languages of Russian Culture. 13—24. ISBN 5-88766-061-9. (In Russ.).
- Tokarev, G. V. (2021). *Linguocultural symbolarium: quasi-symbols*. Tula: TPPO. 112 p. (In Russ.).
- Vasantada, V. D. (2013). Linguocultural type as a reflection of linguistic consciousness. *Actual problems of humanities and natural sciences*, 5: 230—232. (In Russ.).
- Yurkin, I. N. (1994). *Abram Bulygin: miracles, gaiety, "incomprehensible philosophy"*. Tula: Rarus. 186 p. ISBN 5-86967-004-7. (In Russ.).
- Zink, A. (2017). Deconstruction of national discourse in the works of N. S. Leskov. *Philology and culture*, 4 (50): 191—196. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.08.2022,
одобрена после рецензирования 04.10.2022,
подготовлена к публикации 17.10.2022.